

Всепрныя Ілюстрацыі

И свѣжъ, и прекрасенъ былъ кленъ молодой
 Съ роскошной вершиной, узорчатолистной,
 Но, пасынокъ дикой судьбы ненавистой, —
 Онъ скоро растался съ своей красотой.
 Жестокой грозы опаленный огнемъ,
 Истерзанъ набѣгами вихря-тирана,
 Подъ бременемъ бѣды онъ состарился рано,
 И силы слабѣли и гаснули въ немъ.
 И жизни мершавшей остатки храня,
 Въ плѣну у тлетворнаго злаго недуга,
 Безпретленно, тихо, подъ зимнею вьюгой,
 Онъ ждалъ роковаго, послѣдняго дня...

Литературная лѣтопись

„Историческій Вѣстникъ“ — „Вѣстникъ Европы“ —
 „Русская Мысль“ — „Северный Вѣстникъ“

Въ многоголосиѣхъ нѣсть спасенія, говоритъ мудрѣйшая изъ самыхъ мудрыхъ книгъ. Безусловная истина этого изреченія подтверждается какъ нельзя лучше „Воспоминаніями А. Я. Головачевой (Панаевой)“, окончившимися въ удовольствіи читателя „Историческаго Вѣстника“ въ ноябрьской книгѣ журнала г. Шубинскаго. Нельзя сказать, чтобы авторъ воспоминаній былъ скученъ на слова, на разныя болѣе или менѣе пикантныя подробности. Г-жа Головачева дала полную волю своему красноречію, не придерживаясь пословицы, съвѣтующей „держатъ языкъ за зубами“. Но изъ этого ее многословіе ровно ничто не вышло, кромѣ неудержимой женской болтовни, изъ которой будущій историкъ русской литературы почерпнетъ немного. Да и то немного, что онъ отыщетъ на огромномъ пространствѣ пустопорожнихъ страницъ воспоминаній, онъ долженъ будетъ брать съ величайшею осторожностью. Г-жа Головачева не церемонится ни съ фактами, ни съ лицами, и тамъ, гдѣ могла измѣняться ей, или гдѣ автору необходимо отомстить кому нибудь заднимъ числомъ, она соединяетъ изъ себя такую отсѣвату, что вѣдуя за автора совѣстно дѣлается. Не стѣсняется она даже и тогда, когда рассказываетъ вещи весьма давно извѣстныя. Пережевываніе стараго и мелочи закулисной жизни писателей, представляющія ничто характернаго, составляющія отличительныя воспоминанія г-жи Головачевой. А между тѣмъ, обладая богатымъ матеріаломъ, котораго у нея было, конечно, довольно за сорокъ лѣтъ слиткомъ ее литературной жизни, и имѣя талантъ хорошей рассказчицы, она могла бы передать много дѣйствительно интересныхъ свѣдѣній о писателяхъ и событіяхъ изъ литературнаго міра сороковыхъ — шестидесятыхъ годовъ. Но это талантъ рассказчицы она тратитъ на сочиненіе пустыхъ разговоровъ и сомнительныхъ подробностей, касающихся тѣхъ или другихъ лицъ. Сравнительно интереснѣе написаны послѣднія главы воспоминаній, въ которыхъ рассказываетъ о В. А. Салтыковѣ, горячемъ пропагандистѣ женскаго вопроса, о Ф. М. Решетниковѣ, такъ много перенимавшемъ съ юнаго возраста и „отъшлѣмъ“, не успѣвша расцвѣсть, и, наконецъ, о М. Е. Салтыковѣ-Тимѣевѣ. Но и тутъ особенно новаго и крупнаго ничего нѣтъ. О томъ, что чуть не со дня рожденія Решетникова были, золотыми, попрекали каждымъ кускомъ хлѣба, драли розгами при обученіи грамотѣ, что его окружали вѣчно пьяные невѣжественные люди, и что самъ онъ пилъ сильно, — это все извѣстно намъ изъ біографіи Решетникова, приложенной къ собранію его сочиненій, и изъ его собственныхъ воспоминаній дѣтства. Салтыковъ былъ личностью весьма интересною, и однако же г-жа Головачева больше всего останавливается на мало интересной чертѣ его характера — на женюбнѣ, причѣмъ прилетаетъ совсѣмъ напрасно сантиментальная исторія о Пашенькѣ, простой дѣвушкѣ, которой онъ удачно, хотя и случайно, помогъ въ трудную минуту и которая потомъ навѣдана его болуномъ, принесла ему заковста и дорогое вино. О Салтыковѣ мы узнаемъ тоже очень немного: что онъ, и будучи личностю, не отличался веселымъ выраженіемъ лица, сурово глядя на всѣхъ и всегда молчалъ, а когда вошелъ въ лѣта, изъ молчаливаго сдѣлался очень говорливый, смѣша энергическими эпиграмами, которыми онъ награждалъ чиновничью, и что Салтыковъ никогда вообще не былъ спокоенъ, вѣчно разражался. Въ заключеніе г-жа Головачева извиняется передъ читателями за отсутствіе въ ея воспоминаніяхъ хронологическаго порядка. Но ей сдѣлало бы невиннѣе не въ этомъ, а въ томъ, что она слишкомъ злоупотребляла довѣріемъ и терпѣніемъ читателя. Совсѣмъ инымъ характеромъ отличалось „Воспоминаніе стараго бібліотекаря“, В. И.

Собольщикова, помѣщенна въ октябрьской и ноябрьской книжкахъ „Историческаго Вѣстника“ и извлеченная старавіями г. Стасова изъ книги, напечатанной всего въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ находится въ Публичной бібліотекѣ, а другой былъ подаренъ барону М. А. Корфу. Собольщикова принадлежалъ къ очень способнымъ людямъ и, въ числѣ дѣятелей императорской публичной бібліотеки за все время ее существованія, и особенно во время барона Корфа, ея директора, являлся однимъ изъ самыхъ ларовитыхъ, понахъ и одаренныхъ оригинально собственною иппативію. Въ его воспоминаніяхъ, представляющихъ важнѣйшій историческій матеріалъ, характеризующій эпоху императора Николая, масса интересныхъ вещей: мастерски набросанные портреты и характеристики Крылова, князя Олонецкаго, директора бібліотеки Д. П. Бутурлина и другихъ. В. И. Собольщикова не позволяетъ себѣ никакого цусотолова, а la г-жа Головачева, и приводитъ въ своихъ воспоминаніяхъ только факты, не вѣдаясь въ область фантазіи, и оттого-то его статья представляетъ большую цѣнность. Совсѣмъ не такъ дѣлаетъ ее одинъ воспоминаніе — воспоминанія В. Р. Зотова о Н. Д. Хвощинской и А. А. Краевскомъ, „несгорѣ русской журналисткой“, какъ его называетъ г. Зотовъ. Съ покойной Хвощинской онъ былъ знакомъ давно, съ самаго ея выступленія въ литературу, былъ до фѣкторной стѣны ея литературнымъ крестнымъ отцомъ, фадитъ къ ней въ Рязань, велъ съ нею интересную переписку; Хвощинская работала въ его изданіяхъ и связана была съ нимъ тѣсною дружбою. При такихъ обстоятельствахъ, кажется, можно было бы сказать немало интереснаго о даровитой писательницѣ, о жизни которой публики знаетъ немного. Г. Зотовъ не сказалъ въ своей статьѣ ничего сколько нибудь существеннаго. Вся статья занимаетъ счетомъ восемь листочковъ и наполовину почти скомпилирована по некрологамъ столѣтнихъ и провинциальныхъ изданій, причѣмъ съ нѣкоторыми изъ нихъ, въ томъ числѣ и съ нашимъ, онъ довольно неудачно полемизмируетъ. Не того мы ждали отъ г. Зотова, предположая, что онъ дастъ обстоятельный этюдъ о Н. Д. Хвощинской, дасть что нибудь осуществленіе того легендарнаго, жиденькаго рассказа о ней, который онъ цитируетъ жалко безразличной писательницей. Еще менѣе ожидали мы встрѣтить у г. Зотова ни съ чѣмъ несообразнаго панегирика знаменитому въ своемъ родѣ Краевскому. Что „магусанъ россійской журналистики“ почти всю жизнь загребалъ жаръ чужими руками и далеко нескромно относился въ Вѣликомую, и имѣвалъ свои литературные вкусы и убѣжденія, какъ перчатка, — это ни для кого не составляетъ секрета, все это установлено фактами, доказано документами, и лучше всего было бы, въ виду недавней кончины Краевского, на все это затронуть покрывало до извѣстнаго времени. Но г. Зотовъ выступаетъ весьма рьянымъ защитникомъ Краевского, его очень уже усерднымъ панегиристомъ, вводя этимъ въ заблужденіе публику. Неужели потому, что Краевскій вдругъ сдѣлался въ послѣднее время архиприбавленъ, надо повѣвать о томъ, какъ-то былъ разнѣдъ; да не только повѣвать, а представлять его дѣятельность въ иномъ свѣтѣ, чуть не идеализировать личность этого журнальнаго дѣльца. Изъ другихъ статей двухъ книжекъ „Историческаго Вѣстника“ обращаютъ на себя вниманіе статьи г. Дубосова „Рязанскій архіепископъ Мисаилъ“ и Д. Д. Рабинина „Александръ Ардалионовичъ Шинковъ 2-й“, и очеркъ Д. А. Карпышева изъ эпохи Арапчаева, написанный въ безразлической формѣ, подъ заглавіемъ „Драма на Волхонкѣ“. Нельзя не отнѣтитъ также и безпреремонаго отбѣта г. Грубачева, поймавшаго съ полчиствомъ и личинаго съ бешабашиѣмъ плагиатѣ г-ну Грубачеву сдѣлавано благодарно промочать послѣ всего этого скандальнаго разоблаченія, но онъ съ развѣянностью истиннаго сына времени читается еще отвѣчать на обвиненіе его въ „слѣпномъ плагиатѣ“, и главнымъ образомъ напираетъ на то, что „Пушкинъ въ русской критикѣ“

Но день роковой отдалился... Весна,
 Сіявшая нѣгою, счастьемъ и страстью,
 Предстала предъ нимъ и безгнѣвную властью
 Велѣла ему пробудиться отъ сна;
 Въ немъ думы о смерти разсѣявъ, какъ дымъ,
 Дождѣмъ животворнымъ кропила и грѣла
 Его изможденное, хилое тѣло —
 И сталъ онъ какъ будто бы вновь молодымъ...
 ... Зачѣмъ, дорогая, красою дыша,
 Вы чудной весной на поэта пахнули?
 Когда омертвѣла его вся душа,
 Зачѣмъ ей и жизнь, и надежды вернули?

Петръ Быковъ

вовсе не серьезный ученый трудъ, а всего лишь студенческая диссертация. Это очень милое оправданіе: я писалъ не ученое изслѣдованіе, а студенческую диссертацию, значить, могу, молъ, тащить откуда угодно и сколько угодно. Вообще, прочитавъ отбѣтъ г. Грубачева, не знаешь, чему болѣе удивляться — развѣянному газету или цинизму этого молодого плагиатора, надѣвающего маску ученаго... На этомъ мы и покончимъ съ „Историческимъ Вѣстникомъ“, о двухъ послѣднихъ книжкахъ котораго сказать больше нечего. Очень немного можно сказать и о ноябрьской книжкѣ „Вѣстника Европы“. Изъ оригинальной безлестности въ ней красуется одна единственная вещь — повѣсть дѣдушки Мордовцева, кореннаго саратовца, превратившаго себя въ зачаткаго малоросса и знаменитаго, между прочимъ, тѣмъ, что онъ уже нѣсколько лѣтъ страдаетъ довольно усердно историческіе романы и повѣсти, представляя изъ себя опаснаго конкурента Своеволадо Соловьева, эфемерная извѣстность котораго создана „Нивой“ и который тоже историческіе лѣтисеріиные романы печетъ, какъ блины. Повѣсть г. Мордовцева называется „Тимощъ“ и взята изъ временъ Хмельницкихъ, когда знаменитый Богданъ Хмельницкій, соединясь съ татарами, въ какой нибудь годъ разгромилъ Польшу, сдѣлался повластѣющимъ владѣйкой Украины и правобережной, и лѣвобережной, и когда всѣ сосѣдніе государи, записывая его дружбу и союзы, спѣшили отправлять къ нему пословъ. Въ числѣ этихъ государей былъ и молдавскій государи, Василій Лулуя; у него дочь Розада, дѣвушка легендарной красоты, на которой старый Хмельницкій непременно хотѣлъ женить своего сына Тимофея — Тимоша, героя повѣсти. Тимошъ — настоящій сынъ своего отца, храбрый, удалый казакъ до мозга костей. Онъ передъ этимъ находился въ качествѣ воякини у всемогущаго повелителя Крыма, хана Исмаиля-Гирея, участвовалъ съ одной изъ татарскихъ орды въ набѣгъ на Черновую Русь, въ разграбленіи богатаго имѣнія пана Конепольскаго, находившаго недалеко отъ границъ Брацлавщины, и, наконецъ, соединился съ отцомъ. При разграбленіи названнаго имѣнія, Тимошъ разилъ молодого князя Дмитрія Вишневецкаго и потомъ, взявъ въ плѣнъ, промѣнялъ у татаръ вмѣстѣ съ Вандою, юною племянницею пана Конепольскаго, на простую дѣвушку Олесю, украинскую половецкую. Этотъ самый князь Вишневецкій, возвращаясь изъ крымскаго плѣна, захватилъ въ государины владѣнія и во время охоты познакомился съ юною красавицею Розадою, въ которую и влюбился, променявъ въ свою очередь большое вѣнчаніе на красавицу. До Хмельницкаго скоро дошли слухи, что на Вишневецкаго и Розаду смотрѣтъ уже, какъ на жениха и невѣсту, а между тѣмъ отецъ дѣвушки, Лулуя, обмѣлалъ черезъ пословъ своихъ Хмельницкому отнѣтъ эту самую Розаду за Тимоша. И вотъ разгнѣванный Хмельницкій пишетъ къ Лулуя письмо, извѣщая въ немъ, что если государи не откажутся своей дочери за его, Хмельницкаго, сына, то владѣйка Украины пришлетъ въ Лулуя то тысячъ сватовъ. А пока онъ посылаетъ сына и тридцать тысячъ сватовъ и ждетъ, что выйдетъ изъ такого сватанія. На этомъ покуда дѣло и кончается. Въ первыхъ шести главахъ повѣсти разныхъ дикихъ вещей достаточно: тутъ и мертвый воскресаетъ, и медвѣдь, пораженный красотою дѣвушки, выбѣго того чтобы раздѣвить послѣднюю, съ лаской и любовью лучшей ей лицо и руки, и всаке эффекты, и выписки изъ „Описанія Украины“ французца Боллана. Въ научномъ отбѣтъ этой книжкѣ оконченъ интересный очеркъ г-жи З. В. „Джонъ Китсъ и его поэзія“, продолжается обзоръ журнальной дѣятельности М. Е. Салтыкова и помѣщенны интересныя статьи г. Запелскаго „Ученіе о наследственности въ биологіи“ и К. К. Арсенева „Новыя теченія во французской критикѣ“. По заключенію г-жи З. В. Джонъ Китсъ, какъ лирикъ, стоитъ выше всѣхъ своихъ современниковъ. Онъ въсѣтъ въ поэзію своей эпохи новый языкъ и новое представленіе идеи прекраснаго, и

Если такъ, то остается только радоваться за французовъ.

Нѣтъ, мы рѣшительно не годимся въ пророки. Предѣляли мы, что „Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги“, романъ г. Эртеля, будетъ столь же длиненъ, какъ его заглавіе, и растянется на весь годъ „Русской Мысли“. А вышло иначе: въ октябрьской книжкѣ авторъ подъ тринадцатой главой поставилъ свою фамилію и тѣмъ заключилъ свое повѣствованіе хроническаго характера. И слава Богу! скажемъ съ присущею намъ откровенностью. Авторъ слишкомъ уже сталъ владѣться въ ненужныя подробности относительно двора господъ Гардениныхъ, сталъ распыляться и, что хуже всего, началъ владѣть въ уста деревенскихъ героевъ болѣе или менѣе тенденціозныя разглагольствованія. Въ общемъ романъ проповѣдуетъ впечатлѣніе довольно странное, словно авторъ не совладалъ со своей задачей и оборвался. Сами Гарденины играютъ въ романѣ самую пустую роль или, лучше сказать, почти не играютъ роли. Да и изъ двора Гарденинской онъ, въ концѣ концовъ, облюбовалъ одного сына Мартина Лукьяновича Рахманнова, Николая, и съ нимъ однимъ вонитъ, дѣлаетъ его героемъ, который въ герою вовсе не годится и который интересенъ развѣ только тѣмъ, что въ короткій промежутокъ времени влюбляется въ одну дѣвушку, сватается къ другой, дѣлается ея женихомъ и женится на третьей. Какъ бы то ни было, „Гарденины“ мѣстами представляютъ достаточно интереса. Жаль только, что г. Эртель — должно быть, таково свойство его таланта — часто обращаетъ вниманіе на микроскопическія мелочи и упускаетъ изъ виду вещи крупныя; онъ трудится усердно надъ деталями картины и не дорисовываетъ главныхъ фигуръ. Отъ его наблюденія не укрываются разныя пустяки, зато существенное нерѣдко ускользаетъ. Въ этомъ отношеніи г. Эртель напоминаетъ дѣйствующее лицо басни Крылова „Любопытный“, которое высмотрѣло въ кунсткамерѣ все: букашекъ, козявокъ, мушекъ, тараканшекъ, даже такихъ крохотныхъ коронокъ, которыя менѣе булавочной головки, а слова-то и не примѣтилъ! Не боясь обвиненія въ вандалствѣ („чужакъ зовутъ меня вандаломъ, я это имя заслужилъ...“), скажемъ, что гораздо болѣе „Гардениныхъ“ намъ нравится, помѣщенная въ этой же книжкѣ „Руской Мысли“, легенда Д. Н. Сибиряка (Мамина) „Слезы парницы“. Это очень поэтическая вещьца, въ которой разсказывается трогательная исторія красавицы Кара-Негилы, послѣдней отрасли царевнаго нѣкогда въ Голодной стѣнѣ ханскаго рода, вышедшей замужъ за Узунъ-Хана, старика, овдовѣвшей въ самую ночь брака и впоследствии умершей героической смертью. Мы не станемъ разсказывать содержанія этой легенды, переданной очень мило авторомъ. Пусть ее прочтутъ сами читатели и, въ особенности, читательницы. Къ сожалѣнію, мы этимъ и ограничимся относительно октябрьской книжки „Русской Мысли“, но на прощанье посоветуемъ этому серьезному журналу не подражать уличнымъ листкамъ въ дѣлѣ рекламированія разныхъ изданій. Разбирая всю книжку новаго журнала „Артистъ“, редакция склоняется во всемъ надежамъ фамилію г. Гольцева, сотрудника названнаго изданія, и разражается такими похвалами, такъ рекламируетъ („ну, какъ не порадовать родному человѣчку...“) кумовски это изданіе, что вѣдѣтъ заставляеть краснѣть за свое неприличіе и безтактность...

Pour la bonne bouche о нашей несравненной „Медальонической Магдалинѣ“, о помѣщенной въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“. Да-а-а, удалось нашему телу волка поймать! Въ этой книжкѣ помѣщена довольно большая вещь г. Антона Чехова „Скучная исторія (изъ записокъ стараго человѣка)“. Она написана на тему объ одномъ всероссійскомъ недугѣ нашихъ дней, пессимизмѣ, который обуялъ не только недоучившихся мальчишекъ, но и людей установившихся, солидныхъ представителей науки, часто занимающихъ видное положеніе, пользующихся известностью. Одного изъ подобныхъ лицъ, зарывшихся общественнымъ недугомъ, и выводитъ г. Чеховъ. Это — заслуженный профессоръ-мѣдикъ Николай Степановичъ такой-то, тайный совѣтникъ и кавалеръ, человѣкъ 62-хъ лѣтъ, чье имя произносится съ благоговѣніемъ, чей портретъ былъ и въ „Нивѣ“, и во „Всемирной Іллюстраціи“. Весъ расказъ, заключающій въ себѣ много драматическаго, ведется отъ лица Николая Степановича. Когда онъ еще не былъ знаменитымъ человѣкомъ, жилъ въ простой незатѣйливой обстановкѣ, ѣлъ простые, но вкусныя блюда, онъ былъ счастливъ. Но вотъ онъ достигъ завиднаго общественнаго положенія, и съ этимъ выѣстъ и преклоннаго возраста, и счастье покидаетъ его: онъ чувствуетъ свою старость, и знаетъ многіе факты, ясно свидѣтельствующіе объ упадкѣ его умственной дѣятельности, о томъ, что онъ, этотъ блестящій ученый, авторитетъ въ наукѣ, быстро разрушается. Отъ бессонницы, отъ стыда и вслѣдствіе напряженной борьбы съ возрастающей слабостью, съ нимъ происходитъ нѣчто странное. Новыя мысли, какиѣ онъ не зналъ раньше, охватываютъ послѣдніе дни его жизни и продолжаютъ жалить его мозгъ, какъ мос-

киты. О, эти мысли! Онѣ-то и сдѣлались причиной его печальнаго существованія, заставивъ его, такъ сказать, потерять почву подъ ногами. Изъ-за нихъ онъ утратилъ вѣру въ себя, во все окружающее и сталъ на склоны жизни относиться ко всему холодно, безразлично. Вокругъ себя онъ видитъ пониженіе вкусовъ, постепенное исчезновеніе лучшихъ традицій, охлажденіе въ наукѣ, какое-то ремесленное отношеніе къ ней, видѣть, однимъ словомъ, разложеніе общества. Въ семьѣ онъ также находитъ мало отраднаго: ея члены живутъ чисто эгоистической жизнью; каждый дѣла для себя самого, каждый самъ по себѣ, ихъ не связываютъ общіе интересы, ихъ взаимное равнодушіе порождаетъ какую-то нравственную мертвящую пустоту въ семьѣ. Вѣднй знаменитый человѣкъ чувствуетъ, что самъ онъ стѣсняетъ всѣхъ въ семьѣ, а они стѣсняютъ его, и что онъ нуженъ имъ только какъ батракъ, отъ котораго зависитъ благосостояніе, комфортъ семьи. И вотъ онъ уходитъ весь въ себя, апатично отправляетъ свои обязанности, машетъ, какъ говорится, на все рукой и смотритъ сквозь пальцы на все, что въ ней происходитъ. Его пессимистическія мысли дѣйствуютъ на него самымъ удручающимъ образомъ. Онъ чувствуетъ, что въ его желаніяхъ нѣтъ чего-то главнаго, чего-то важнаго; каждое чувство, каждая мысль живутъ въ немъ особнякомъ, и во всѣхъ его сужденіяхъ о наукѣ, театрѣ, литературѣ, ученіяхъ и во всѣхъ картинахъ, которыя рисуетъ ему воображеніе, — по сознанію профессора, — самый искусный аналитикъ не найдетъ того, что называется общей идеей, или Богомъ живаго человѣка... „А коли нѣтъ этого — говоритъ онъ — то, значить, нѣтъ и ничего“. Нечего и говорить, что „Скучная исторія“ г. Чехова написана умно, прекрасно, съ присущимъ ему талантомъ, но это не болѣе, какъ описаніе патологическаго факта, вѣрное воспроизведеніе физическаго и нравственнаго состоянія человѣка, угнетаемаго старчествомъ, страдающаго отъ мозговаго переутомленія. Скажемъ не обинуясь, эта „Скучная исторія“ — вещь дѣланная, произведеніе анти-художественное, отъ котораго вѣтъ чѣмъ-то весьма нездоровымъ. Можетъ быть, г. Чеховъ писалъ его съ благой цѣлью, съ благими намѣреніями, но на все молодое, полное жизни, на каждого свѣжаго, не разрушающагося человѣка это произведеніе должно произвести впечатлѣніе непріятное, удручающее и можетъ нагнать хандру, силнѣе... По счастью, въ этой самой книжкѣ „Сѣвернаго Вѣстника“ помѣщено начало третьей части романа „Душевная буря“, которое послѣ „Скучной исторіи“ доставитъ большое удовольствіе: надъ этими главами читатель отъ всей души поохочетъ. Посѣйте надъ содержаніемъ, надъ топорнымъ исполненіемъ, надъ курьезными словечками, обильно раскиданными въ романѣ, и надъ удивительнымъ недомыслиемъ убогаго автора.

—К—

20-го ноября (2-го декабря) 1889 г.

Предметомъ оживленныхъ толковъ нашихъ общественныхъ кружковъ, интересующихся вопросами внутренней политики, служила за минувшіе семь дней состоявшаяся поѣздка въ Прибалтійскій край г-на министра юстиціи, отправившагося въ эту русскую окраину, для того чтобы присутствовать при открытіи тамъ новыхъ судовъ. Наступило, наконецъ, давно уже съ нетерпѣніемъ ожидаемое время окончанія той юридической обособленности, въ которой находились прибалтійскія губерніи со времени введенія судебной реформы въ Россіи. Съ нынѣшней недѣли Эстляндія, Лифляндія и Курляндія будутъ имѣть судебныя учрежденія, сходныя въ основѣ съ судебными учрежденіями остальной Россіи. Правосудіе будетъ воздаваться тамъ отнынѣ на государственномъ языкѣ, и великое дѣло этого воззванія будетъ совершаться при условіяхъ одинаковыхъ съ тѣми, которыя уже цѣлую четверть вѣка дѣйствуютъ во всей остальной Россіи.

Новые прибалтійскіе суды не будутъ, правда, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ точнымъ скопкомъ судовъ, дѣйствующихъ въ центральныхъ губерніяхъ нашего отечества. Въ ихъ организаціи повторятся тѣ видоизмѣненія, которыя были признаны въ эпоху судебной реформы для окраины съ смѣшаннымъ по національностямъ населеніемъ. Участіе мѣстнаго элемента, въ формѣ суда присяжныхъ и избираемыхъ этимъ населеніемъ мировыхъ судей, признано было